

Москва Комсомолец. - 2001. - 15 янв. - с. 7.

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

Он родился в ночь со второго на третье января (15 по новому стилю) 1891 года в Варшаве в семье коммерсанта из Литвы. Его мать — барышня из интеллигентной семьи, проживающей тогда в Вильно. У будущего поэта один за другим появилось еще два брата, и вскорости семья переехала в город Павловск под Санкт-Петербургом, а в начале двадцатого века Осип Мандельштам уже жил с родителями в Петрограде. Здесь он пошел учиться в знаменитое Тенишевское училище, где, кстати, несколькими классами выше учился будущий “американский” писатель Владимир Набоков и многие другие выдающиеся люди. Тенишевское училище впоследствии отозвалось в прозе поэта.

— ТРАМВАЙНАЯ ВИШЕНКА СТРАШНОЙ ПОРЫ

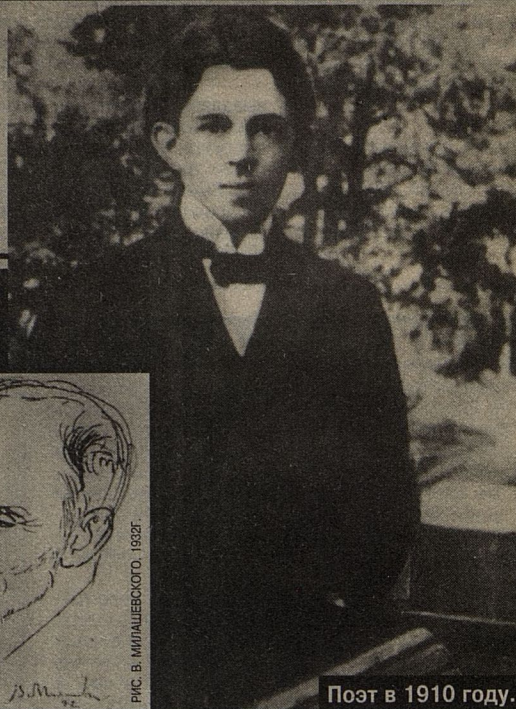
110 лет со дня рождения Мандельштама

Юность Мандельштама и его литературная молодость складывались удачно — безоблачно и естественно. Он вошел в круг питерского “демиурга” Вяч. Иванова, начал печататься в популярном в узких кругах русского декаданта альманахе “Аполлон”, побывал в Европе, где учился в знаменитых немецких и парижских университетах, подружился с молодыми Ахматовой и Николаем Гумилевым, вошел в основанный Гумилевым “Цех поэтов”, где молодые российские гении заявили о создании нового литературного направления. Это направление они называли акмеизмом, от греческого “акмэ” — “вершина”. О молодом поэте серьезно заговорили как об одном из самых талантливых поэтов начала века. Его первая книга “Камень” получила известность и выдержала три издания, причем последнее уже при советской власти. А пока молодой поэт посещал кафе “Бродячая собака”, сочинял эпиграммы, сравнил Маяковского с “румынским оркестром” и писал прозрачные стихи, достойные кисти импрессионистов: “На бледно-голубой эмали, какая мыслима в апреле, березы ветви поднимали и незаметно вечерели. Узор отточенный и мелкий, застыла тоненькая сетка, как на фарфоровой тарелке рисунок, вычерченный метко, — когда его художник милый выводит на стекляннй тверди, в сознании минутной силы, в забвении печальной смерти”. Вопросы жизни и смерти врываются в творчество молодого русского интеллигента и не оставят его до последней минуты. В таинственном стихотворении о вере он написал: “Здесь я стою — и не могу иначе” — и это стало принципом его жизни, а уже в 1921 году он все понял о ленинской революции и возопил, что “нельзя дышать, и твердь кишит червями...” Он оставил нам свой символ веры: “Мне на плечи кидается вековолкод, но не волк я по крови своей...” Он входил

с дымящей лучиной “к шестипалой неправде в избу” и, “человек эпохи Москвошвеев”, оставил нам свой пронзительный автопортрет: “Нет, не спрячется мне от великой муры за извозничью спину Москву. Я — трамвайная вишенка страшной поры...” Всю жизнь он метался по стране, влюблялся, жил “на разрыв аорты”, в сорок выглядел стариком, был беден, благороден и сходил с ума от непосильной действительности... А спрятаться “от великой мур” было некуда. Каждый человек в сталинской России находился под прицелом карательных органов.

Проза Мандельштама — тоже уникальное явление российской словесности. О гениальности его “Шума времени” писал в Лондоне в начале двадцатых знаток литературы князь Святополк-Мирский. Очевидно, когда он вернулся в родную Россию, его арестовали, а потом отправили в ссылку, где он вскоре умер от голода, — еще и за это утверждение. В 1928 году Осип Мандельштам опубликовал свою небывалую в России прозу — повесть “Египетская марка”, затем книгу статей о поэзии и культуре, напечатал в журнале “Звезда” прекрасное “Путешествие в Армению”. Его гениальный “Разговор о Данте” увидел свет только в 1967 году, а душераздирающую “Четвертую прозу”, за которую спокойно могли “дать” срок, напечатали на родине уже на излете советского времени.

Но не следует представлять этого тончайшего поэта изысканной тростинкой, дрожащей на мировом ветру. Он ни в чем не отступал от своего предназначения, противостоял житейским бурям и человеческому хамству. Так, в начале двадцатых годов он вызвал на дуэль имажиниста Шершеневича. Тот, однако, уклонился от поединка. Мандельштам, который скрывался от эсера Блюмкина, обещавшего его убить и прозившего беззащитному поэту чекистским

Поэт в 1910 году.

Рис. В. МИЛАШЕВСКОГО, 1932г.

маузером, все же не побоялся дать пощечину сталинскому любимцу — “советскому графу” Алексею Толстому за нанесенное оскорбление. Уже в самом начале незаконных репрессий тех лет он пытался спасти несколько ни в чем не повинных человек, что ему, кстати, удалось. Удалось ему вырвать из лап НКВД также незаконно “взятого” биолога Бориса Кузина, который стал его близким другом. В начале 1930 года он написал гневное письмо “Советским писателям” и практически переступил черту между послушанием и правдой. Он не мог иначе...

Ведомый судьбой, Мандельштам написал стихи против Сталина: “Мы живем, под собою не чуя страны, Наши речи за десять шагов не слышны, А где хватит на полразговора, Там припомним кремлевского горца. Его толстые пальцы, как черви, жирны...” Это был бесстрашный вызов режиму, первое гласное выступление художника против тирана, и власть во главе с адресатом не простила этого поэту. Началась травля, которая закончилась смертью Мандельштама. Одна за другой следовали ссылки — в Чердынь, в Воронеж... Воронежскому периоду благодарные читатели обязаны целым рядом поэтических шедевров. Но самому поэту-то было каково... В итоге он получил срок по статье 58 за антисоветскую агитацию и умер в пересыльном лагере 3/10 Дальневосточной зоны. С большей или меньшей точностью, но сегодня принято считать, что его смерть наступила 27 декабря 1938 года “от паралича сердца”, как следует из справки, выданной жене и брату. XX век России — это бюрократическое время, когда вместо живых людей родственникам выдавали справки. Осип Эмилевич был захоронен в общей могиле вместе с десятками безымянных эзков. Ему было сорок семь лет.

Он понимал, что поэзия в его стране — страш-

ная, непреодолимая сила. В 1936 году, опальный, в воронежской ссылке, он заявил тайно навестившей его Анне Ахматовой: “Поэзия — это власть, раз за нее убивают, ей воздают должный почет и уважение, значит, ее боятся, значит, она — власть...” Безупречная логика! Поэзия и сегодня власть, раз и поныне ее так боятся, что практически вымарали из жизни современной — уже антисоветской — России.

Однако вычеркнуть из жизни его имя не удалось. В тридцатые годы, обреченный, ища защиты у людей, которые не могли его защитить, он написал в письме к Юрию Тынянову (21 января 1937): “Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень. Но последнее время я становлюсь понятен решительно всем. Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе”. Пророческие слова. Он многое изменил в строении и составе русской поэзии, по сей час молодые поэты подражают его стихам, даже если их не читали, опосредствованно, через тайных его эпигонов, некоторые из которых стали выдающимися поэтами... Осип Эмилевич стал героем литературных произведений. Последний “Монист” Советского Союза Герой Социалистического Труда (последнее сегодня звучит как издевательство, но что было — то было) Валентин Катаев в своих предсмертных раскованных произведениях не раз обращался к образу поэта, называя его то по имени, то маскируя под некоей сказочной кличкой “щелкунчик”. Вдова Мандельштама, выдающаяся женщина Надежда Яковлевна (в девичестве Хазина), написала после смерти мужа и как итог своей жизни три книги воспоминаний. Эти книги, особенно первая — “Воспоминания”, стали гениальными документами о том, как русский коммунизм уничтожал все лучшее в стране — людей, мысли, чувства, книги... Всемирно известные произведения Солженицына бледнеют перед этой книгой, написанной хрупкой и неукротимой спутницей поэта. Сегодня литература, посвященная Мандельштаму, занимает на полке в десятках, если не в сотнях раз больше места, чем созданное им самим. Возможно, вся шумиха вокруг его имени была бы ему чужда, не зря он провидчески написал, что улицей Мандельштама будет названа скорее не улица, а “яма”, та яма, в которую сбросили его бездыханное тело...

Сегодня хочется вспомнить и то, что в последнее десятилетие своей жизни Осип Мандельштам недолгое время работал в нашем “Московском комсомольце”, где занимался творчеством читателей популярной молодежной газеты.

...Он “рожден в ночь с второго на третье”, и становится первым великим поэтом XX века, про которого мы уже можем сказать, что он рожден в позапрошлом веке...

Сергей МНАЦКАНЯН.

110 лет со дня рождения Осипа Эмилевича совпадают с 10-летием со дня основания в Москве Международного мандельштамовского общества. В эти дни — с 15 января — начинается большая программа общества. Это выступления мандельштамоведов, вопросы издания персональной энциклопедии поэта, возложение цветов к Соловецкому камню, которое назначено на сегодня на 14 часов, поэтический вечер “Сохрани мою речь...” в Большом зале ЦДЛ (тоже сегодня, в понедельник, начало в 19 часов) и другие торжественные и деловые мероприятия.